

ДВ 469
А 853

В.К. ЛРСЕНЬЕВ

ДОРОГОЙ

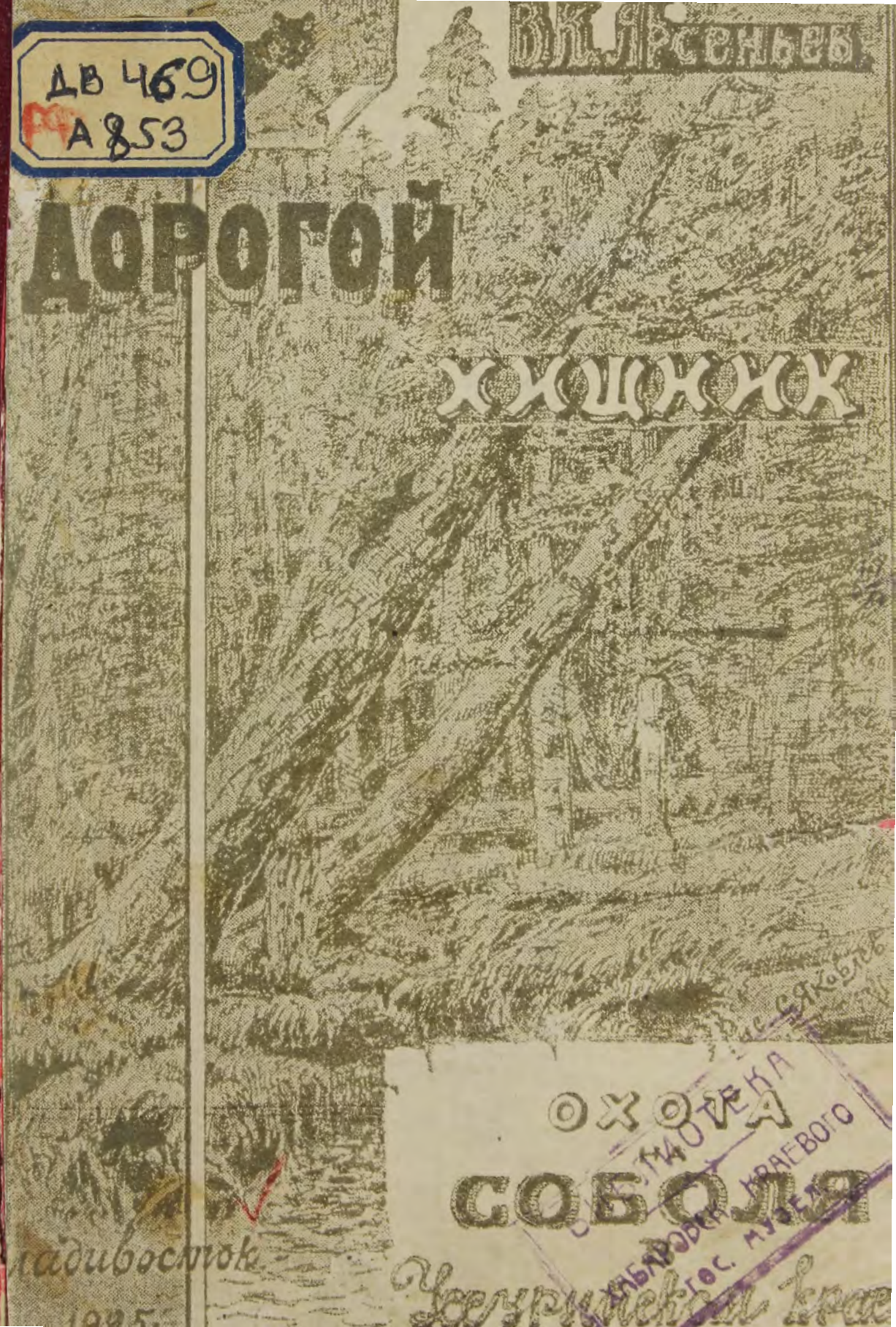
ХХШХХХ

Ладивоснок

1925

Уссурийский край

ОХОТНИЧЬИ
СОБОЛЫ
УССУРИЙСКОГО КРАЕВОГО
МУЗЕЯ

ДВ 469 + 47.188

А 853 В Библиотеку Кабаровского
Крайнего Музея им. Губина
В Арсенье

В. К. Арсеньев

31 I 1925.
Г. Кабарова

✓ ДВ 484.17

А-853

ДОРОГОЙ ХИЩНИК

ОХОТА НА СОБОЛЯ
В УССУРИЙСКОМ КРАЕ

ДВ
Р.Ф

БИБЛИОТЕКА

ХАБАРОВСК. КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ.

Кабаровская краевая
научная библиотека

ВЛАДИВОСТОК

1925

Проверено
1940 г.

В. К. Арсенин
31.5.1940
В. К. Арсенин

ДОРОГОЙ ХИЩНИК

ОХОТА НА СОБОЛЯ
В УССУРИЙСКОМ КРАЕ

Гублит № 1044.

Тираж 5000.

«Кр. Знамя»—1-я тип. Акц. О-ва «Книжное Дело». Владивосток.

I.

Соболь.

Амурский соболь является ближайшим родственником куницы, которая и замещает его в местах исчезновения.

По наружному виду он кажется величиной с небольшую кошку, но на самом деле значительно меньше. Тело его длинное, тонкое и чрезвычайно гибкое, вследствие чего он пролезает в такие маленькие отверстия, через которые другие животные его размеров проникнуть никак не могут. Относительно сильные ноги соболя снабжены крепкими, острыми когтями, дающими ему возможность быстро и без труда взбираться на деревья. Конусообразную его головку, с большими опущенными ушами и черным подвижным носиком, можно было бы назвать красивой, если бы впечатление не портилось злобным выражением черных глаз. Зубная система его такова же, как у всех хищников. Зубы мелкие, острые, но тем не менее раны, наносимые сободем, могут быть очень серьезны.

Голос, издаваемый сободем, похож на фырканье и мурчанье. Поставленный преследователем в безвыходное положение, он смело бросается на врага; даже запертый в клетку, он норовит неожи-

данно напасть на человека, неосторожно взявшего руками за железные прутья. В случае неудачи он тотчас же скрывается в подстилке, в самом отдаленном теновом углу своей темницы.

Основной цвет соболя бурый, причем окраска эта сильно варьирует с темно-бурого до рыжебурого, буро-серого, желтовато-серого и даже белого цвета. Последние две отмастки попадаются очень редко. В Уссурийском крае на окраску соболя влияет широтное его распространение: так, мех соболей в Зауссурийском крае, к востоку от Сихотэ-Алиня, темнее и пушистее, чем в бассейне правых притоков р. Усури.

Спина соболя всегда темнее, чем бока; брюшко, как у всех животных,—светлее, чем все остальные части тела. Шейка снизу желтоватая, с нежным розовым оттенком, который у мертвого животного скоро выцветает. Это, так сказать, живой цвет меха. Самые дешевые соболя—серо-бурые. Иногда, очень редко, встречаются соболя пегие, с белыми отметинами: пегоголовые, пегоногие, пегохвостные. Эти смешанные прикраски присутствуют только самкам, самцы же всегда бывают однотонны. Мордочка соболя черная; внутренняя сторона лапок светлее, чем снаружи; хвост всегда темный.

В 1909 году на р. Самарге, в местности Кивета (в 5 верстах от моря), в хвойно-смешанном лесу был убит соболя, сидящий на дереве. Этот зверек имел до того оригинальную окраску, что его сначала и не приняли за соболя. Он был весь желтовато-розового цвета и только по спине тянулась едва заметная темно-серая полоска; брюшко было снежно-белое. Месяца через два шкурка выцвела и приняла грязно-белую окраску.

Встречаются, как редкость, и соболя совершенно белые, но это не альбиносы,—это есте-

ственная окраска животного, так как губы и нос у них пигментированы, и глаза отнюдь не красные.

Такие шкурки имеют лишь интерес музейный. Много их достать нельзя, а одна белая шкурка среди темных только мешает и даже известным образом обесценивает всю партию.

В Уссурийском крае соболь распространен повсеместно, повсюду, где сохранились большие хвойно-смешанные леса.

Нет сомнения, что соболь водится в «Черных Горах» около Хунчуна, в лесах северной Кореи и в Сунгарийском крае (сансинский соболь). В общем Уссурийский край во много раз богаче соболями, чем Амгунский район и Амурская область. В горах Сихотэ-Алиня раньше соболей было очень много. Здесь путник постоянно встречает соболиные следы не только зимой, но даже и летом в виде экскрементов в колоднике.

В 1909 году в верховьях р. Самарги три удегейца поставили в шести местах по 12 лучков (маленький лук-самострел). Эти 72 лучка в одни сутки дали 6 соболей.

Староверы-соболевщики полагают, что есть соболь «местный» и «ходовой». Это подтверждают и китайцы. «Местным» они называют такого соболя, который постоянно живет на данном месте и от своего жилья далеко не уходит. Подошвы его лапок покрыты шерстью, и когти—длинные, острые. У «ходового» соболя шерсть на лапках вытерта, и когти притуплены. По степени вытертости шерсти на лапках, соболевщики судят о пройденном зверьком расстоянии. Следы «ходового» соболя по снегу видны ясно, отчетливо, а следы «местного» соболя видны только на мягком снегу.

Китайские звероловы уверяют, что по качеству меха и окраске они могут определить, откуда пришел соболь, и где его родина,—Зауссурийский край или правые притоки Уссури.

Туземцы в большинстве случаев на задаваемые вопросы по этому поводу отвечали так: если следы соболей идут вразброд в разные стороны, то зверьки эти живут здесь постоянно и бегают лишь за добычей. Но иногда замечают, что большинство следов (в особенности, если снег выпадает рано) идет в одном направлении. В этом туземцы усматривают перекочевывание соболя вследствие недостатка корма.

Соболь на охоте за рябчиками.

Соболь обитает по верховьям малодоступных рек, в первобытных девственных лесах, где еще никогда не стучал топор дровосека, где пожары не уничтожили подлесья, и где достаточно есть бурелома. Леса Уссурийской тайги по первому впечатлению кажутся безжизненными: ни единый звук не нарушает их торжественной тишины. И вот такие-то глухие места и являются, повидимому, любимым местопребыванием соболя. Пищею ему служат бурундуки, мыши, сеноставцы, затем зайцы, белки и разные птицы (чаще всего рябчики).

В голодные годы, когда соболь не может найти себе пищу в хвойном лесу, он выходит на

поляны и ест все, что ему попадет. Иногда он залезает в амбары туземцев и грызет там юколу. Однако, он не прочь полакомиться и свежей рыбой, и даже предпочитает ее сухой.

Будучи смелым и ловким, соболь решается нападать даже на таких крупных животных, как кабарга. Однажды (на р. Кулумбэ, притоке Имана, в ноябре 1906 г.) автор, сопровождаемый туземцами, видел следы борьбы между этими двумя животными. Прыгнув на спинку кабарги, соболь старался перегрызть ей артерию на шее.

Молодая кабарга обычно гибнет, но взрослая начинает кататься по земле и таким образом сбрасывает с себя маленького, но страшного для нее хищника.

Летом соболь ест кедровые орехи и в особенности любит «кишмиш»¹⁾). Подыскивая места для охоты, староверы еще с лета присматриваются, достаточно ли в данном месте бурундуков, мышей и мелких птиц, где именно растет «кишмиш», как он цветет, и будут ли на нем ягоды.

В лесу соболь мало ходит по земле; он предпочитает бегать по валежнику. Прыгая с колодника на колодник, соболь ухитряется проходить таким образом иногда значительные расстояния. Случается, что на протяжении полуверсты он ни разу не сойдет на землю. Когда туземцы идут за соболем, они ищут следы его не на земле, а на поваленном на землю и запорошенном снегом колоднике. Точно так же и староверы, подыскивая летом места для звероловства зимой, внимательно осматривают бурелом, нет ли на нем соболиных экскрементов.

II.

Охота на соболя.

В Уссурийском крае первыми охотниками на соболей были туземцы: гольды, орочи и удехейцы.

¹⁾ Так переселенцы называли плоды актинидии (лиан).

Большинство этих народностей и по настоящее время пребывает в состоянии первобытных звероловов. Раньше специальной охотой на соболя они

Охотник на соболя у ловушки.

не занимались и убивали только тех соболей, которые случайно попадали в их ловушки. мех соболя шел для личных их нужд: на головные уборы, наушники, рукавицы и т. д.

Тогда туземцы не знали цены соболя и особенно ценили мех росомахи. Тогда и соболей было больше. Старики рассказывают, что лет семьдесят тому назад соболей в лесах было так много, что хороший охотник без особого труда в течение зимы мог поймать их более полутора десятка штук.

Но в начале XIX столетия в край прибывают китайцы. Они жадно набрасываются на соболей. С тех пор соболиный мех начинает быстро подниматься в цене, а у туземцев появляются ружья—старые, «фитильные», за которые они платили по 60 и 70 отборных соболей, и за фунт пороха—2-3 соболя.

Русские, прибывшие вскоре после китайцев, сами соболей не ловили, но собирали их в «якак» для казны.

Следом за китайцами-купцами в край появляются китайские охотники и искатели жень-шеня, и самыми последними прибыли корейцы. Те и другие усвоили сущность охоты на соболей и занялись ею в широких размерах и повсеместно. Русские (староверы) стали заниматься соболеванием весьма недавно (лет 25 тому назад, не более).

Вместе с тем количество добываемых соболей начинает быстро сокращаться. В 1891 году опытный туземный охотник в удачный год мог добыть 97 соболей. В 1904 году три удехейца с реки Такемы за два года поймали 86 соболей, что составляет по 14,4 соболя в год на человека. В 1909 году средняя добыча на охотника исчислялась в 9 соболей.

В настоящее время охотниками на соболя являются туземцы, китайцы, корейцы и русские. У каждого народа свои способы соболевания. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Способы соболевания у всех тунгусских народностей весьма похожи друг на друга. Различие заключается только в деталях.

Соболевание для первобытного охотника— это все то, вокруг чего группируются его мысли, это то, что наполняет его жизнь, и что восстанавливает его душевное равновесие. Лишите дикаря этого рода деятельности, и его жизнь станет бесцельной, ничем не заполненной. С малых лет он видит, как с наступлением осенних холодов отец и старшие братья собираются на охоту за соболем: они плетут сетки, куют стрелы, починяют нарты, шаманят и просят удачи на промысле. Выезд на охоту—это своего рода праздник, это великий день в году. Они веселы, все ликуют, все радуются. Запряженные собаки выказывают крайнее нетерпение. Женщины выходят провожать своих мужей и братьев. Охотники садятся в нарты — и вмиг вся свора, спущенная с привязи, срывается с места и с лаем мчится по льду реки. Женщины машут им руками. Через минуту нарта скрывается за поворотом.

Прибыв на место, удехейцы вынимают из нарт своих деревянных божков, ставят их недалеко от балагана, кормят их кашей с салом и просят удачи на охоте. Затем каша разбрасывается по тайге. Это—жертва богу лесов Онку, охраняющему прирост богатства. После этого, старший из них, налив в маленькую чашечку спирта, мочит в нем указательный палец и по капле бросает спирт на все четыре стороны, а остальное выливает в огонь. При этом он снова обращается к Онку с просьбой дать удачное соболевание и счастливую охоту. Тогда охотники снимают хорошие одежды, надевают охотничье платье и разъезжаются в разные стороны.

Редко удехейцы соболюют в компании, редко даже по два человека: в большинстве случаев

они охотятся в одиночку. У каждого свой район, свое место, доставшееся ему в наследство от отца и деда. Здесь, в горах, в глухой тайге, в маленькой юрте проводит он один долгие зимние месяцы. Вся окружающая его природа полна чудес,— созданных его собственной фантазией и воображением. Всюду он видит козни злых духов, мешающих ему спать спокойно. Вот почему туземцы эти имеют при себе привязанных к поясу маленьких идолов, мажут им губы кровью соболя и просят у них покровительства и защиты.

Все сказки туземцев полны охотничьих приключений, и нередко в них фигурирует соболь. Весь уклад жизни туземца приурочен к соболеванию. От удачного промысла зависит многое. Только соболь дает охотнику возможность встать на ноги и уплатить колым (выкуп) за невесту.

Туземцы консервативны: большинство из них сохранило свои примитивные способы соболевания до сих пор. Сказанное не относится к так называемым «тазам» (южно-уссурийским удехейцам), которые совершенно окитаились и ныне ловят соболей китайским способом, о чем будет сказано ниже.

Самый любимый и самый первобытный туземный способ охоты на соболя—это выслеживание по снегу.

Соболь—животное ночное. Ночью он бежит в поисках за добычей, а днем прячется где-нибудь под пнями или в дуплах деревьев. Поэтому успех охоты на соболя зависит от того, где его найдет охотник. Этот способ соболевания требует большого терпенья и навыка. Поистине достойны удивления те приемы, к которым прибегают охотники, чтобы выследить и поймать дорогого хищника.

Надо поражаться и тому, с какой хитростью соболь старается запутать свои следы и уйти от

преследователя. Он часто делает петли, при чём старается идти по валежнику, где снег сдуло ветром, или где он «занастился». Иногда он влезает на дерево с наветренной стороны, там, где есть снег,—так, чтобы, следы его были видны ясно. Поднявшись до самой вершины, соболь спускается вниз по другой стороне дерева—голой, затем спрыгивает на свой прежний след и возвращается назад, стараясь при этом не протапывать нового следа. Он осторожно ставит свои лапки в ямки старых следов, чтобы не испортить их и не засыпать снегом.

Найдя поблизости какой-нибудь пенёк, соболь прыгает на него, затем зарывается в снег, проходит под ним 20—30 шагов и благополучно уходит в сторону. Бывает так, что, идя по наклонному валежнику, соболь вдруг делает большой прыжок назад или в сторону, на соседнее дерево. Завершив круг, он выходит на речку и прыгает здесь с камня на камень, потом уходит под бурелом, нанесенный водою, а иногда забирается под яр реки, где нависшие сверху дернины совершенно скрывают его следы.

Тут долго приходится искать их в надежде, что незамерзший песок, или случайно нанесенный через какое-нибудь отверстие снег укажут, в какую сторону пошел соболь. Словом, все движения соболя—вполне обдуманное, вполне сознательное. Нужно быть чрезвычайно внимательным, нужно хорошо знать все повадки соболя, нужно быть настоящим следопытом, чтобы расшифровать хитро сплетенные петли соболя.

Трудно сказать, сколько времени займет такая охота. Это зависит от свежести следа и от навыка самого охотника. Иногда соболя удается найти через несколько часов, чаще всего на преследование его тратится двое, трое суток.

Надо поражаться выносливости туземцев.

Зимою в глухой тайге, без палаток, в легкой одежде, часто в одиночку, они подолгу гоняются за сободем—и в результате нередко охота бывает неудачной. Бывает так, что после долгого преследования охотник обнаружил совершенно свежий след дорогого зверька, а сумерки принуждают его остановиться на ночь. Тогда он ночует без огня, чтобы не испугать соболя, иначе соболь уйдет, и охотник будет вынужден вновь гоняться за ним двое суток.

Однажды автор зимой, в январе месяце, нашел под яром чью-то лежку, над которой остановился в недоумении,—человек здесь спал или животное... Во время наводнения вода подмыла берег, и образовала пустоту. Сверху нависли дерновины; русло обсохло. Ни травы, ни подстилки, ни следов огня не было видно, а между тем земля была примята: видно было, что здесь кто-то спал. Подошедший проводник-удехеец разъяснил недоумение. Обрывок ремешка, оструганная палочка и шкурка сухой рыбы свидетельствовали о том, что здесь спал охотник.

Необходимой принадлежностью охоты на соболя является сетка. Она представляет из себя узкий мешок, длиною 50—60 сантиметров, заканчивающийся веревкой, при помощи которой вытянутая сетка привязывается к колу или к стволу дерева. Для того, чтобы она не спадала, внутри ее помещают несколько тонких деревянных колец.

Найдя пень, в котором спрятался соболь, охотник спешит прежде всего заткнуть в нем отверстие. После этого он начинает разрывать вокруг пня снег на тот случай, если бы под ним оказались еще выходы наружу. Если снег не сыпучий, а рыхлый и сырой, то его просто утаптывают на лыжах. Когда все готово, охотник открывает входное отверстие и вплотную приставляет к нему сетку. Иногда бывает достаточно этого. Охотник

Садится в стороне и, соблюдая возможную тишину, ожидает, когда соболь выйдет из своего убежища.

Напуганный зверек сначала притаится в пне, а затем, когда станет тихо, вылезает и попадает в сеть. Не теряя времени, охотник бросается к соболю и прижимает его к земле палкой от лыж, или рукояткою топора, или тем, что попадает под руку и давит его.

Может случиться, что под пень, где укрылся соболь, ведут два хода. В таком случае к одному отверстию охотник ставит сеть, а у другого раскладывает огонь. Тогда дым выживает соболя и принуждает его спасаться бегством.

Когда соболь попадает в сетку, охотник не должен зевать. Опытные звероловы имеют на руках кожаные рукавицы, джутовый мешок, кусок мягкой кожи или тряпку и т. п. Схватив одной рукой зверька за голову и зажав ему рот, другою— за задние ноги, охотник прижимает его к земле и давит коленом.

Если соболь укрылся в дупле, то опять-таки затыкаются в нем все ходы и выходы, а затем дерево внимательно осматривается,—как оно стоит, и куда при рубке будет падать. Молодняк, который может помешать падению дерева, удаляется. Если дерево настолько велико, что охотник сам справиться с ним не может, то он уходит за товарищами. Казалось бы, что при рубке дерева соболь может убежать во вновь образовавшееся отверстие, что он и сделал бы, если бы это было ночью, и кругом было тихо. Но днем от шума он забивается в самую верхнюю часть дупла и сидит там, притаившись, что и нужно охотникам. Поэтому они работают без опаски. Наконец, дерево падает, нижнее отверстие дупла тотчас закрывается сеткой, полотнищем палатки, одеждой, корьем, травой—одним словом, всем, что попадает под руку.

Чаще всего поступают так: когда дерево близко к падению, рядом раскладывается костер. Как

Охота на соболя.

только дерево упадет, костер быстро подвигается вплотную к дуплу. После этого охотники проруба-

ют небольшое отверстие в верхней части дупла и приставляют к нему сетку. Спасаясь от дыма, соболь выходит наружу и попадает в ловушку.

Если снег неглубокий, если поверхность земли неровная, а дерево гнилое, и охотники знают вперед, что при падении оно разломится на два-три куска, то как только оно рухнет, они бросаются к верхнему обломку и затыкают его отверстие.

Если дерево упало все целиком, и соболь бежит по дуплу назад и вперед, ища выхода, то охотники, чтобы загнать его в вершину, поступают следующим образом. В некотором расстоянии от комля ¹⁾ прорубается небольшое отверстие, сквозь которое палкой принуждают соболя перейти в верхнюю часть дерева. Ниже этого отверстия дерево перерубается, и дупло затыкается сеткой. Потом опять делается в дереве маленькое отверстие, соболь палкой вновь перегоняется к вершине, опять дерево перерубается, и дупло затыкается. Таким образом, соболь загоняется в самый верхний обрубок. Опытные охотники ухитряются обрубок этот сделать не более 2 футов. Снаружи они прорубают два-три маленьких отверстия для воздуха и света, сквозь которые видно пойманного зверька. В этом обрубке, как в клетке, живой соболь приносится домой.

Так как в поимке живого соболя у туземцев до сих пор нужды не было, то вышеописанный способ, как требующий слишком много времени, ими применялся весьма редко, разве только по специальному заказу или по требованию шамана, когда, по его соображениям, нужно «камланить» ²⁾ над живым сободем, дабы дать хорошую охоту своим сородичам.

1) Нижний конец срубленного ствола.

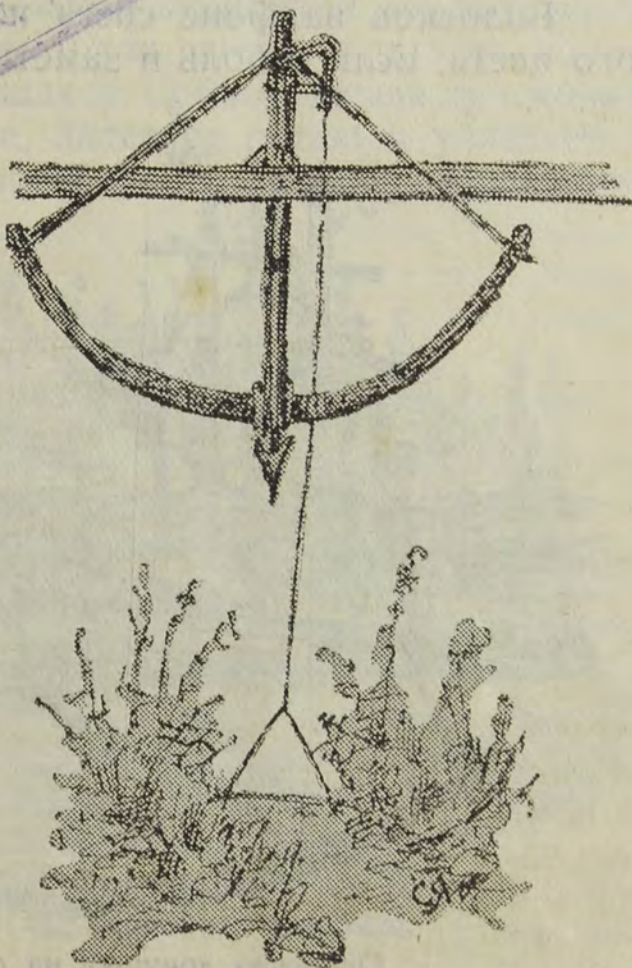
2) Совершать моление.

Случается, что при падении дерево раскалывается вдоль. Тогда соболь убегает, и охотнику надо выслеживать его снова.

Если соболь скрылся в каменистых россыпях, туземцы считают охоту потерянной. Россыпи обыкновенно занимают большое пространство, и в камнях есть много ходов и выходов. В таком случае охотники бросают охоту и ищут другой след, или же остаются ждать, пока соболь сам не выйдет наружу.

Другой туземный способ охоты на соболя — это лучковый.

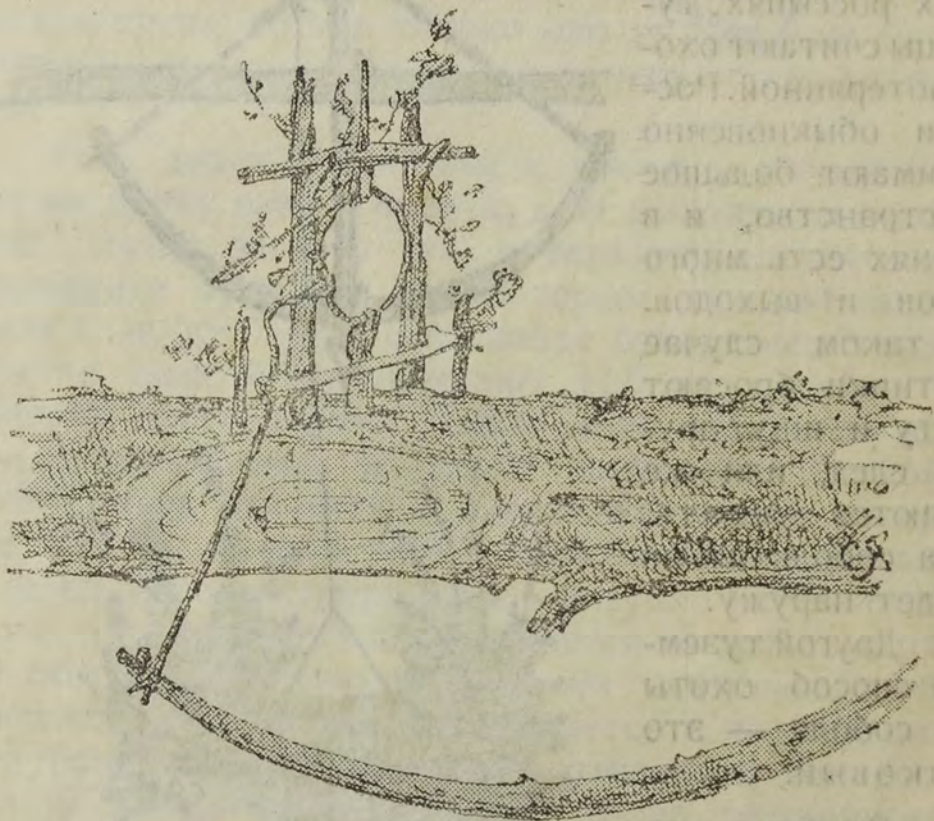
Заметив, что соболь прошел несколько раз по одному и тому же месту, онистораживают на тропе его самострел (лучок). Удехейский лучок состоит из четырех частей: 1) стойки, к которой прикреплен лучок в вертикальном положении, 2) лука с тетивой, длиной в 1 метр 10 сант., 3) стрелы с острым железным наконечником и 4) тонкой бичевы. Бичева эта оканчивается с одной стороны петлей, а с другой — тремя волосками, расположенными треугольником. Вершина его находится у нижнего конца бичевы, а третий волосок подтянут между двумя другими горизон-

Лучок, настоженный на соболином следу.

тально, но на таком расстоянии от земли, чтобы соболь никак не мог пройти, не задев его спиной или головою.

Волосков на фоне снега не видно,—они белого цвета. Если соболь и заметит поперечный во-

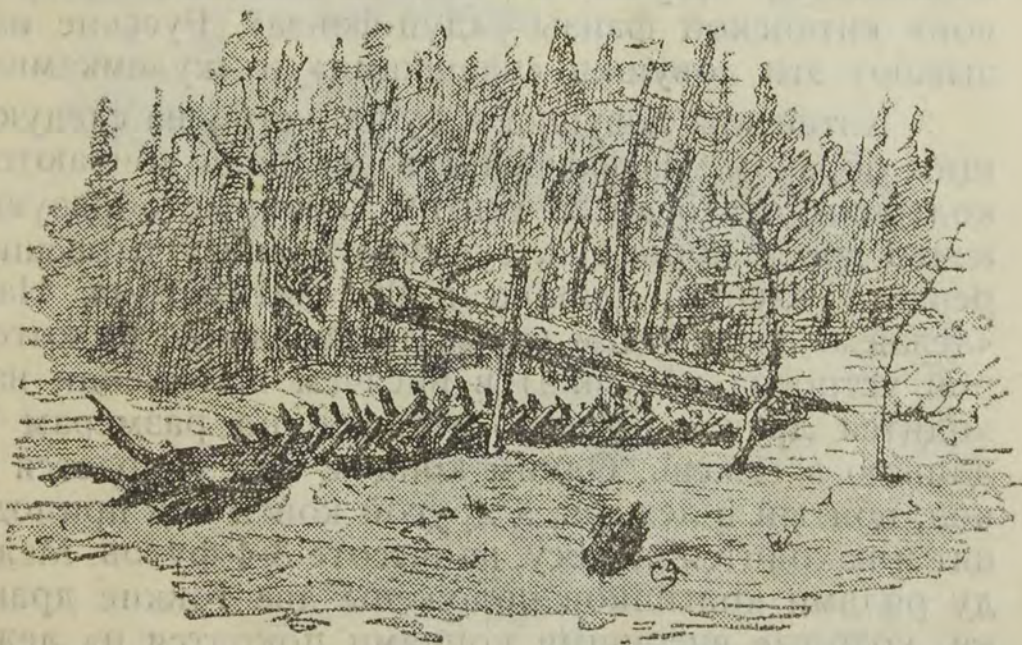
Орочская ловушка на соболя.

лосок и пожелает перепрыгнуть через него, он непременно заденет за боковые волоски, малейшее движение которых заставляет петлю соскочить с курка, тетива освобождается, и стрела с силою бьет в то место, где находится соболь.

Неудобство этого способа охоты заключается в том, что стрела портит шкурку соболя. Поэтому орочи Советской гавани иногда ставят на следу особые ловушки с петлями.

Эти ловушки устроены так: в землю или на колоднике вбиваются два небольших колышка, на

которые кладется поперечина. В середину этой поперечины вставлена палочка, имеющая на нижнем конце небольшую зарубинку. Эта последняя служит для удержания крученой волосяной петли в вертикальном положении. Если ее сдвинуть хоть немного, она тотчас же падает. Соболь, желая проскочить между колышками, задевает петлю и увлекает ее за собой. Эта последняя приводит в действие

Китайская соболиная ловушка,

остальной механизм ловушки: конец петли прикреплен к согнутому дереву,—как только соболь потянет за собой петлю, дерево быстро выпрямляется, и пойманное животное повисает в воздухе.

Неудобство этого рода ловушек заключается в том, что если они долго стоят в бездействии, то согнутое дерево теряет свою упругость. Затем, если соболь попал в петлю не головой, а лапкой, то он хотя и повисает на веревке, но иногда может дотянуться до волосяной петли и перегрызает ее зубами. Кроме того, мертвый соболь является приманкой для ворон и других пернатых хищников.

Орочи Советской гавани ловят соболей тремя способами: 1) способом, только что описанным, — при помощи петли, привязанной к согнутому дереву, играющему роль пружины; 2) при помощи лучка, настораживаемого на соболином следу, и 3) выслеживанием и ловлей сеткой из-под пня или из дупла дерева.

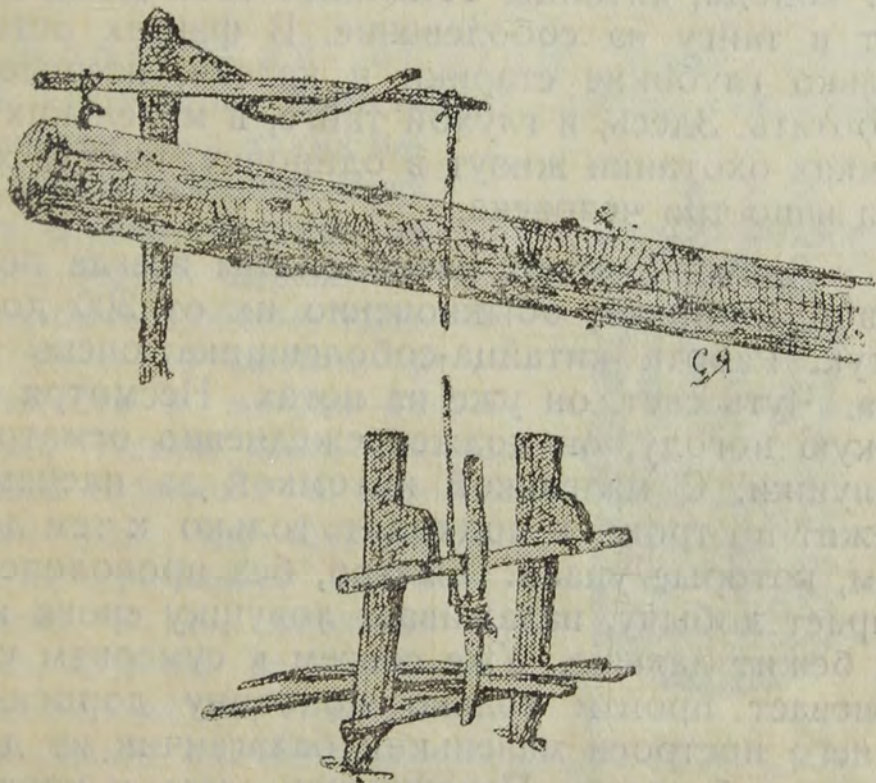
Китайцы ловят соболей ловушками, которые называются «д у й». Отсюда и название «зверовой» китайской фанзы—«дуй-фанза». Русские называют эти ловушки «плашками» и «кулемками».

Китайская ловушка «д у й» устроена следующим образом. На валежине в два ряда вбиваются колышки, от 15 до 25 сантим., которые образуют нечто вроде коридора, суженного внизу и расширенного вверху, длиною в 96 сантиметров. Над «лежнем» (так будем называть валежину, на которой устроена ловушка) висячем положении находится другое бревно—меньшее по размерам и длиною в сажень. Одним концом оно упирается в кол, вбитый в лежень, а другой конец его приподнят и находится на весу, на высоте 3-4 футов. Между рядами колышков положены две тонкие дранки, которые внешними концами покоятся на лежне, а внутренними (в середине коридора)—на двух коротеньких прутиках, заложенных под небольшие вырезки двух ближайших колышков. Отсюда идет веревочная снасть к верхнему бревну, которое удерживается на весу особым рычагом в виде неравномерного коромысла. Рядом с лежнем стоит ствол молодого деревца, вбитого в землю верхней частью (комлем кверху). Все корни его обрублены, кроме одного. На этом-то корне и находится точка опоры рычага. К одному концу его привязана «снасть», а другой подходит под крюк, вбитый в верхнее бревно.

Когда соболь бежит по валежнику, он волея-неволей должен итти по дранкам между колыш-

ками. Своей тяжестью он сдвигает прутики у прикольшей, веревочная снасть освобождает коромысло, верхнее бревно падает и давит соболя.

Неудобство этих ловушек заключается в их сложности, а также в том, что они давят не только соболей, но и других животных и птиц: белок, бу-

Механизм китайской ловушки на соболя, приводящий ее в действие,

рундуков, орехотворок, соек, рябчиков и проч. Случается, что по ловушке, которая только что задавила бурундука, следом проходит соболя. Кроме того, убитый соболя находится на виду, и его часто расклевывают птицы, поедают хорьки, мыши и т. д.

Ставить такую ловушку (дуй) надо умеючи. Если ее поставить слабо, то ловушка будет давить всех бурундуков, мышей и разных мелких птиц. Если же ее поставить туго, то она не будет

действовать даже в том случае, если через нее пробежал соболь или хорек. Надо иметь в виду и то обстоятельство, что, проходя по дранкам, соболь, чувствуя зыбкую почву под ногами, идет осторожно, с опаской и не делает прыжков.

Осенью, как только поля убраны, и наступят холода, китайцы оставляют свои дома и уходят в тайгу на соболевание. В фанзах остаются только глубокие старики и калеки, неспособные работать. Здесь, в глухой тайге, в маленьких фанзочках охотники живут в одиночку; иногда же по два и по три человека.

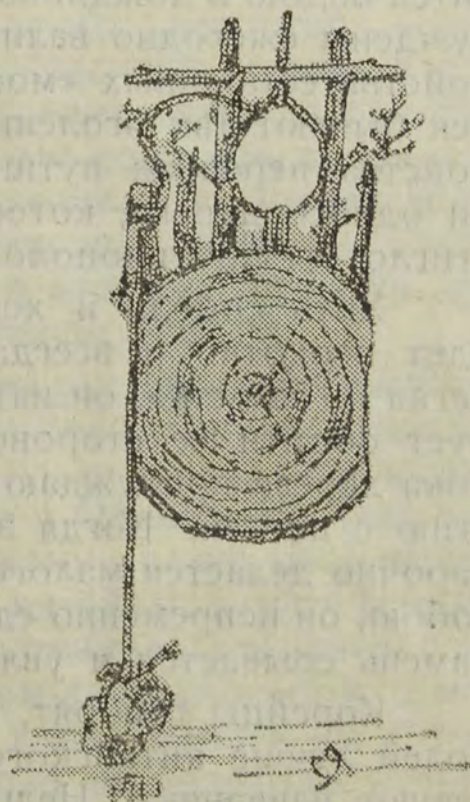
Ловушки у них расположены всегда по круговой тропинке; обыкновенно их от 300 до 2000 штук. Работа китайца-соболевщика очень тяжелая. Чуть свет, он уже на ногах. Несмотря ни на какую погоду, он должен ежедневно осматривать ловушки. С маленькой котомкой за плечами он бежит по тропе и подходит только к тем ловушкам, которые упали. Быстро, без проволочек, собирает добычу, налаживает ловушку снова и снова бежит дальше. Уже совсем к сумеркам китаец успевает пройти только половину дороги. Тут у него построен маленький балаганчик из дерева, корья и бересты. Переночевав здесь у костра, на другой день с рассветом он проходит другую половину дороги, вновь на бегу собирает добычу и только к концу дня добирается до своей фанзы. А на завтра он опять уже на работе, и опять осматривает ловушки—и так изо дня в день подряд, в течение нескольких месяцев.

Сезон соболеванья продолжается с половины сентября до тех пор, пока глубокие снега не завалят ловушки. Тогда звероловы оставляют свои заповедники и возвращаются к своим обычным занятиям. Раньше из тайги уходят те, у которых мало съестных припасов. За последние пять лет ки-

тайцы научились от туземцев ходить на лыжах и выслеживать соболей по снегу. Поэтому многие из них остаются теперь в зверовых фанзах на всю зиму вплоть до весны, и если возвращаются в земледельческие фанзы, то лишь на время, для того, чтобы пополнить запасы продовольствия и вновь продолжать соболевание.

Корейский способ ловли соболей иной. Корейцы производят ловлю «мостами», устраиваемыми в таких местах, где поваленное через речку дерево достало до другого берега. Дерево не должно быть особенно большое, 50 — 70 сантим. в окружности и метров 10 длиною. Отсюда ясно, что корейцы соболят в верховьях рек, где ширина реки не превышает этого размера, и где, следовательно, глубина ее не более одного метра, т. е. как раз в самых любимых соболями местах.

Посредине «моста» (дерево, переброшенное через реку) вбиваются колышки, преграждающие путь соболю. Чтобы замаскировать ловушку, корейцы делают колышки разной длины, не снимают с них коры и переплетают одной—двумя тонкими еловыми веточками. В одном месте оставляется узкий проход, в котором в вертикальном положении ставится плетеная волосяная петля, а для того, чтобы соболю не мог обойти изгородь стороной, дерево в этом месте гладко отесывается

Корейская ловушка на соболя
(над водой).

с обоих боков на $\frac{1}{3}$ его толщины. Волосяная петля свободным концом привязывается к небольшой палочке, имеющей маленький выступ, которым она и держится на особом колышке, вбитом сбоку в бревно. К другому концу палочки с выступом привязан камень от 3 до 5 фунтов весом.

Такие мосты устраиваются в расстоянии, примерно, 200 метров друг от друга, для чего пользуются естественными мостами, т. е. буреломным лесом по берегам рек. В местах, где бурелом сносится водою в дождливое время года, корейцы вынуждены ежегодно валить новые деревья для устройства соболиных «мостов». Обочины таких речек бывают так оголены корейцами, что для устройства переправ путники не в состоянии найти ни одного дерева, которое, будучи повалено, достигло бы противоположного берега.

Хоть соболь и хорошо плавает, но в воду идет неохотно и всегда ищет переправы. Перебегая по «мосту», он натывается на изгородь, пробует обойти ее стороною, но гладко отесанные бока дерева принуждают его направиться к отверстию с петлей. Когда зверек заденет петлю (она нарочно делается малого размера) и потянет ее за собою, он непременно сдвинет палочку с упорца, — камень срывается и увлекает соболя в воду.

Корейцы говорят, что их способ поимки соболей лучше китайского, и что их ловушки действуют наверняка. Нельзя с этим не согласиться. У китайцев случается иногда, что плохо придавленный соболь уходит из ловушки, перегрызая колышки по сторонам. В корейской ловушке ему нет спасенья: камень всегда его утопит. На дне речки он лежит сохранным, и кореец не боится, что шкурку соболя попортят вороны.

Неудобство корейского способа заключается в том, что ловить соболей этим способом можно только осенью и в начале зимы, пока реки не за-

мерзнут. В Южно-Уссурийском крае это возможно до 1-го декабря, но, по мере движения к северу, время соболевания корейским способом сокращается; в районе Советской гавани оно становится только осенним и длится не более месяца.

В Приамурье способ охоты на соболя с собакой почему-то не применяется. Несколько раз сюда приезжали охотники из Сибири со своими собаками, но все старания их, несмотря на обилие соболей, не увенчались успехами, и разочарованные соболевщики возвращались обратно на родину. Причины этого, вероятно, надо искать в чрезвычайно пересеченной горами местности (вследствие чего за горами часто не слышно бывает лая собаки), в густоте подлесья, среди которого много колючих растений, и в заваленности тайги буреломом, затрудняющим движения собаки и охотника, а также и в многочисленности каменистых россыпей по склонам гор.

В Уссурийском крае из русских переселенцев ловлей соболей занимаются только старообрядцы, живущие по р.р. Даубихэ, Улахэ и на берегу моря, около мысов Белкина, Арка и Олимпиады. Они видели, что на одном земледелии далеко не уедешь; на их глазах обогащались китайцы, и источником обогащения их было соболевание. Староверы не ограничивались одним каким-либо способом, а использовали все способы, какие только им были известны. Так, осенью, пока не замерзли речки, они ловят соболей корейским способом; позже, когда в речках появляются забереги, позволяющие соболю перепрыгивать с одного края льда на другой, они пользуются китайскими «плашками» и, наконец, во вторую половину зимы, когда выпадает глубокий снег, они начинают следить соболя так, как это делают туземцы. В последнем случае в дело пускается соболиная сетка, о которой говорилось выше и «обмет».

Обметом называется тоже сетка, длиною в 20 метров, шириною в 1 метр, с очком в 2 сантиметра. Этой большой сеткой окружается то место (небольшая каменистая россыпь, пень, нора бурндука и т. д.), где скрылся соболь. Обмет ставится таким образом, что верхние края его загibaются внутрь (обтягиваются шнурками), что препятствует соболу уйти, если бы он вздумал взбираться по сетке кверху. Охотник садится в стороне и ожидает, когда соболь выйдет из своего убежища. Если сеть оставлена на ночь, то к верхнему краю ее привязывается два—три бубенчика, колокольчики или какие-нибудь побрякушки. Звон их дает знать охотнику, что соболь вышел и старается выбраться из обмета. В руках у охотника шнурок от сети. Он дергает его, сетка падает внутрь и прикрывает собою зверька. Испуганный соболь начинает метаться и окончательно запутывается в сети.

III.

Опасности соболевания.

Охота на соболя сопряжена с риском жизнью. Опасность является совершенно неожиданно и притом с той стороны, откуда ее, казалось бы, и ожидать нельзя.

Так, в 1904 году китаец Лю-сун-тян, с реки Санхобе, отправился на соболевание в верховья р. Кулубе, берущей начало с западных склонов Сихотэ-Алиня.

Лю-сун-тян был добычливый охотник. Как старожил, он хорошо знал, что в Уссурийском крае первая половина зимы бедна атмосферными осадками, и снега обычно выпадают лишь в феврале или марте месяце. Рассчитывая возвратиться за-

благовременно, он взял с собою столько продовольствия, сколько мог унести на себе в котомке.

Лю-сун-тяну вначале повезло. Ловушки свои он осматривал через день, и не было случая, чтобы он возвратился с пустыми руками. Через месяц он уже имел 19 отборных соболей, один другого лучше.

Но вот в начале декабря ночью совершенно неожиданно разразилась жестокая пурга, и выпал глубокий снег, заваливший все его ловушки. Для очистки совести Лю-сун-тян хотел было все же обойти их, но с первых же шагов убедился, что это невозможно. Снег был глубиной по пояс. Тогда он решил прекратить соболевание и возвратиться в селение. Целый день он прокладывал себе дорогу по глубокому снегу, и за весь день прошел не более полуверсты. Погода хмурилась, можно было ожидать новой пурги, и это принудило его вернуться обратно в зверовую фанзу.

Между тем продовольствие быстро приходило к концу. Раньше, до снега, соболиные ловушки ежедневно давали ему рябчиков и белок, а теперь он питался тем, что захватил с собою из дому. Лю-сун-тян стал сокращать порцию с целью растянуть продовольствие на возможно большее число дней, и от этого он еще более обессилел.

Он слышал, что северные туземцы в таких случаях пользуются лыжами, но он не знал, как они делаются. Никакого другого инструмента, кроме топора, у него не было. Он вытесал две длинных доски, но сломал их с первых же шагов.

Наконец, настал момент, когда он израсходовал последние крошки продовольственного запаса. Следующие дни он питался отбросами, которые выскивал в снегу около фанзы, а когда иссяк и этот источник продовольствия, он принялся есть ремни от обуви и всякую гадость. В конце концов очередь дошла и до соболей. Он опаливал их, мел-

ко крошил, варил в котелке, и эту своеобразную лапшу глотал с большой жадностью.

Время шло. Солнце поднималось все выше и выше. Пришел февраль. Снег, пригретый солнечными лучами, занастился¹⁾; потом опять ударил мороз с ветром. Когда Лю-сун-тян изрезал последнюю шкурку, он на глиняной стене фанзы сделал надпись углем, указал число съеденных им соболей, оделся и вышел... Недели через две его нашли другие соболевщики верстах в пяти от зверовой фанзы. Он стоял замерзшим в глубоком снегу, прислонившись к дереву. Одежда его была изодрана в клочки, а вся кожа на ногах, от ступни и выше, чем до колена, была ободрана острыми режущими краями наста.

Лю-сун-тяна похоронили на общественный счет.

Другой трагический случай имел место в 1908 году на р. Тудагоу, притоке р. Даубихэ.

Кореец Чом-ба-ги отправился в тайгу устраивать соболиные ловушки.

Место для охоты он выбрал весьма удачно. Обильный водою горный ручей и густой хвойно-смешанный лес, где было много рябчиков, бурундуков и белок, обещали ему богатую добычу.

К концу недели Чом-ба-ги устроил шестьдесят девять мостов. Он решил поставить еще один последний мост и вернуться назад в селение, а с наступлением заморозков притти сюда снова и приступить к соболеванию.

Как раз в том месте, где надо было устроить последний мост, поперек ручья лежала большая старая ель, хвоя с которой уже осыпалась, и все ветви были обломаны. Только один сук, как раз на том месте, где нужно было ставить петлю, торчал кверху.

¹⁾ Покрылся настом—тонкой коркой,

Кореец острым топором отсек его, но не у самого основания, а выше. Удар пришелся наискось, вследствие чего обрубленная ветка свалилась в воду, а на стволе осталась заостренная часть ее, фута в полтора длиною.

Чом-ба-ги перешагнул через нее, прошел по всему бревну до комля и затем повернул назад. В это время подгнившая кора ели не выдержала давления ноги и сорвалась с заболони¹⁾, вследствие чего кореец, потеряв равновесие, упал. Заостренный сук пронзил его насквозь...

Прошел месяц, другой. О Чом-ба-ги ни слуху, ни духу. Тогда сородичи пошли его искать и нашли несчастного зверолова мертвым. Он лежал поперек ели, ноги были свешены на одну сторону, конец заостренного сука торчал из спины, а по телу его, запорошенному снегом, соболь проложил себе дорогу.

Таких примеров, как выше описанные, можно было бы привести много. Я ограничусь только тремя, из которых последний ярко иллюстрирует, в какое тяжелое положение попадают иногда охотники в глухой тайге, находясь в полной зависимости от окружающего их животного мира.

Старый таза Люря, с р. Кусуна, в 1907 году рассказал мне следующий случай, который произошел с ним на р. Тахобе, когда волосы его не были так белы, и глаза так плохи, как теперь.

Соболевал он на реке Цзава, где у него была небольшая зверовая фанзочка, сложенная из накатника и обмазанная глиной. Она имела одно только окно, в которое были вставлены два куска стекла, склеенные узкой полоской бумаги. Окно это находилось почти на уровне земли, так как

1) С древесины ствола,

этой стороной фанза была несколько вкопана в землю. Вход прикрывался узкой досчатой дверью, с ременной петлей, задеваемой за деревянный колышек. Никакого другого запора не было.

Как-то раз Люря не пошел осматривать соболиные ловушки. С утра погода хмурилась, дул сильный ветер,—начиналась пурга. Таза весь день провел за домашними работами, но, незадолго до сумерок, в фанзе вдруг сразу сделалось темно. Он взглянул на окно и увидел, что кто-то заслонил его. Тогда Люря зажег огонь и поднес его к стеклу. То, что он увидел, заставило его задрожать от страха, быстро погасить огонь, затем тихонько подойти к двери и при помощи веревок начать изнутри запирать ее, как можно крепче. В окне он увидел полосатый бок тигра...

Страшный зверь, видимо, искал защиты от ветра и привалился к стене фанзы, как раз к тому месту, где было окошко.

Через щели в дверях Люря видел, как померк солнечный свет, и наступила ночь. Он сидел ни жив, ни мертв и боялся пошевелиться. Как на грех, он испортил замок своего ружья и потому оставил его в селении. Первый раз в жизни он отправился в тайгу безоружным.

Когда стало светать, тигр встал, встряхнулся и отошел от окна. Люря обрадовался, думая, что он ушел совсем. Прождав с четверть часа, таза подошел к дверям с целью снять запоры, и вдруг увидел пестрое чудовище как раз против себя... Тигр лежал на брюхе, вытянув вперед передние лапы, и внимательно смотрел на дверь.

Безумный страх овладел звероловом. Он понял, что тигр охотится за ним. К вечеру пурга окончилась, кругом воцарилась тишина, и тогда Люря ясно слышал, как полосатый хищник ходил

вокруг фанзы, и видел лапы его в окне. Один раз тигр даже взобрался на крышу, словно желая проверить, нельзя ли как-нибудь сверху проникнуть внутрь жилища.

Еще одну ночь таза провел без сна, вздрагивая от каждого шороха и испуганно поглядывал на дверь и окно. На третьи сутки тигра совсем не было видно. Люря хотел было открыть дверь и убежать, но в то время, когда он стал возиться около двери, страшный зверь одним прыжком опять очутился перед фанзой.

Люря совсем потерял голову. Он голодал, потому что все продовольствие хранилось снаружи, в особом амбарчике на сваях.

К счастью, в это время слышались голоса. То были охотники из соседней зверовой фанзы.

Тигр тотчас скрылся в зарослях. Люря вышел из своей темницы и увидел трех вооруженных тазов с собаками. Они разложили три костра вокруг фанзы и сделали несколько выстрелов в воздух. Однако, тигр оказался не из трусливых и ночью перед рассветом задавил обеих собак.

На другой день тазы, обсудив положение, решили возвратиться обратно.

Прошло два месяца. Когда стали таять снега, старик-таза с одним из своих сородичей отправился осматривать ловушки. Немногие из них пуствовали,—большая же часть была с добычей, преимущественно с белками, колонками¹⁾, рябчиками и сизоворонками; но шесть ловушек поймали соболей. Долго ждали пойманные соболя своего хозяина, пока сойки и вороны не растащили их по

1) Колонок—животное из семейства куниц; водится в лесах Сибири и Дальнего Востока.

50р.

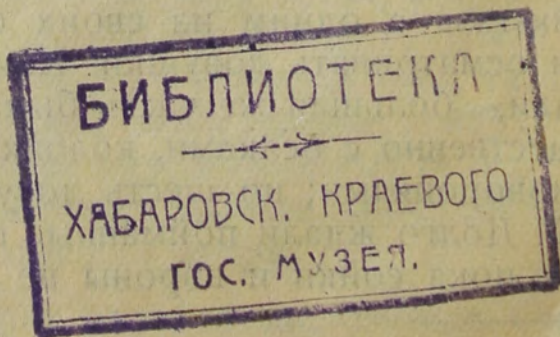
частям. В ловушках остались кости до клочки шерсти.

По следам на стаявшем снегу видно было, что тигр продолжал посещать фанзу, часто ложился перед дверью и взбирался на крышу.

Такая настойчивость зверя напугала Люря. Он бросил это место совсем и перекочевал на р. Чебязани.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Соболь	3
Охота на соболя	7
Опасности соболевания	26

50p.

